

Терроризм и глобализация

Терроризм явился спутником глобализации, незаконнорожденным дитя этого феномена, направившим, как это ни парадоксально, свои усилия на его подрыв. Глобализация породила терроризм как глобальную угрозу и в то же время получила от него сокрушительный удар. Ощущение опасности, риска стало всеобщим и постоянным, в особенности в США, стране, прежде не знавшей серьезных угроз своему существованию.

«Общество риска» превратилось в реальность. Автор этого термина, немецкий социолог У. Бек, раскрывая его содержание, указывал на состояние всеобъемлющего страха, все более овладевающее людьми:

«Опасность представляет «разрушительная сила войны». Язык опасности заразен: социальная нужда иерархична, новая опасность, напротив, демократична. Она поражает богатых и бедных. Потрясения затрагивают все области. Рынки разрушаются, правовые системы не охватывают состава преступлений, правительствам предъявляются обвинения, и они одновременно получают новые шансы действовать.

— Мы становимся членами одной команды «мировой опасности». Опасность — уже не столько внутреннее дело страны ее происхождения, и страна не может бороться с опасностями в одиночку. Возникает новая «внутренняя политика».

— Наука не уменьшает риск, но обостряет сознание риска.

— Страх определяет чувство жизни. Ценность безопасности вытесняет ценность равенства. Это ведет к усилению закона, к видимому разумному «тоталитаризму от опасности».

— «Экономика страха» обогащается во всеобщем разрушении нервов. Недоверчивый и подозрительный гражданин должен быть благодарен, что его сканируют, копируют, обыскивают и допрашивают для «его же безопасности». Безопасность, подобно воде или электричеству, становится одним из общественно организованных потребительских благ.

Многие из этих структурных черт общества риска выглядят сегодня как описание мира после 11 сентября 2001 г., после террористических актов в Нью-Йорке и Вашингтоне» [Интервью с профессором Ульрихом Бекком 2003: 11].

Несмотря на отмеченную немецким ученым связь всеобщего страха с терроризмом, термин «общество риска» был предложен им еще в 1986 г. и относился преимущественно к экологическим рискам, а также к рискам социальных перемен. Приступы социального страха наблюдались и в связи с ядерной, а затем экологической угрозами, но следует признать, что сегодня, с появлением новых болезней, природных аномалий, террористических атак, они значительно усилились. XX век вообще был исключительно трагичен и полон опасностей. Его «фирменный знак» — войны, революции, диктатуры, репрессии и попытки геноцида против целых народов. Этот век унес миллионы жизней, оказался наполнен трагическими событиями, некоторые из которых еще не

осмыслены и даже не осознаны. Среди них — гибель около миллиона людей в Руанде из-за племенной гражданской войны в 1994–1995 гг., трех миллионов суданцев в результате мусульманско-христианского конфликта на юге страны и массовой гибели христиан. В то же самое время «остальной» мир был поглощен судьбами жителей Боснии и Косово: на весах «большой политики» ценность жизни одних народов оказалась несоизмерима с ценностью жизни других.

Однако страх XXI века стал нарастать не из-за количества жертв, а в связи с возникновением угроз и вызовов всему человечеству, с *глобализацией* риска, создающей ощущение непредсказуемости последствий любого действия.

Ислам и глобализация

«Политическая корректность» исследователей, опасавшихся резкими заявлениями усугубить имеющиеся конфликты и спровоцировать новые, уклонение общества от серьезного разговора о терроризме на деле попустительствовали США в поиске врагов в разных точках земного шара и разделяемой некоторыми их руководителями манихейской логике рассуждений: «Кто не с нами, тот против нас». Сегодня вопросом «За что они (террористы. — *Авт.*) ненавидят Америку?» задаются уже не только президент Дж. Буш или его оппонент и критик американской политики Г. Видал [Видал 2003], англичане З. Сардар и М. Дэвис [Сардар, Дэвис 2003] и другие «диссиденты», но и серьезные ученые, указывающие на тот факт, что глобализация, в которой лидируют США, оказывается неравноценной для разных народов. Одни страны она отбрасывает назад, другим же обеспечивает преимущества.

Нынешнюю глобализацию можно считать второй. Первая представляла собой английский *free trade*, обеспечивший свободное перемещение товаров, капиталов и людей. Этот процесс, начавшийся в 1885 г., мог бы продолжаться по сей день, если бы не был прерван тремя системными оппозициями — национализмом (Первая мировая война), коммунизмом (Великая Октябрьская революция) и фашизмом (Вторая мировая война). В результате процесс глобализации был остановлен более чем на 70 лет.

Следует уточнить, что феномен глобализации нельзя путать со становлением всемирной истории [Федотова 2000: 8–11], универсализацией [Алексеева 2003: 86–87], космополитизацией [Бек 2003: 49–50]. Глобализация представляет собой победу либерализма во всемирном масштабе. Этот процесс, датируемый началом 1990-х гг., характеризуется снижением таможенных барьеров, возникновением мировой свободной торговли, стимулированной падением коммунизма, после которого капиталистическая система стала всепроникающей, свободным обменом информацией через Интернет, виртуализацией экономики посредством компьютерной революции и манипуляцией сознанием (реклама, PR) для продвижения товара на глобальный рынок [Практика глобализации 2000; Уткин 2001].

Понятно, по определению, что от глобализации выигрывают немногие страны. Хотя весь мир затронут этим процессом, и никто не может уклониться от жизни в глобальном мире, в глобальную экономику из числа незападных стран вошли лишь Бразилия, Индия, ЮАР, Турция, Польша, Китай, Мексика, Индонезия, Таиланд, Малайзия. Считается, что Россия не вошла, не вошла и Саудовская Аравия с ее гигантскими нефтяными запасами, потому что место в глобальной

экономике определяется не ресурсами, а технологическими прорывами, творческим потенциалом, уникальностью производимого продукта.

В числе «вошедших» только две страны с исламским населением — Турция и Малайзия. Турция в течение долгого времени выступала оплотом модернизации среди исламских стран. Но президент страны, модернизатор Т. Озал утверждал, что Турцию все равно не примут в ЕС, «потому что мы мусульмане». После смерти Озала в 1994 г. у власти в этой стране находятся исламски ориентированные лидеры, которые поддерживают с американцами союзнические отношения. Тем не менее такая политика становится все менее популярной внутри страны из-за падения турецкой экономики на фоне экономического спада в Соединенных Штатах. В Малайзии, руководство которой настроено менее прозападно, действует экстремистская исламская оппозиция. В этой связи нет оснований утверждать, что Турция и Малайзия стали полноценными партнерами Запада по глобальному рынку. А такие крупные мусульманские страны, как Бангладеш, Египет, Саудовская Аравия, Индонезия, Иран, Йемен, Пакистан, Судан, страны Африки, включающие исламское население (Конго, Уганда), от глобализации явно не выиграли.

Итак, необходимо признать, что *глобализация отразилась на исламских странах преимущественно негативно*. Двери глобальной экономики оказались для них в целом закрыты. Культура этих стран по-прежнему очень далека от западной, а традиции и обычаи выдержали испытание на прочность. Поскольку исламские культуры, в отличие от христианских, не заняты постоянной выработкой новых и пересмотром старых мировоззрений (как на социальном, так и на индивидуальном уровнях), ислам продолжает определять повседневную жизнь верующих мусульман, удерживая ее от радикальных перемен. Вот почему крупнейший модернизатор Востока К. Ататюрк отделил религию от государства, запретил политический ислам, сохранив ориентацию на Запад при помощи военной диктатуры. Тем не менее Турция не избежала частичного отката назад. Нет нужды лишний раз напоминать в этой связи об Иране и Алжире.

Хотя страны с мусульманским населением изобилуют природными ресурсами, контраст между бедными и богатыми в них чрезвычайно велик и приближается к черте, за которой возможен революционный взрыв. Из картонных лачуг богатого Каира выходит революционизированная или криминализированная молодежь.

Глобализация, проникая в исламский мир, обостряет внутренние противоречия: усиливает деградацию политических систем, крах моральных ценностей, развал семьи. Нигде она не производит столь разрушительного эффекта, как в исламском мире. Особую ненависть вызывает американский *soft power*: «Голливуд» — за противоречие исламским ценностям, «опривычивание» чуждого образа жизни, и «Макдональдс» — за «империализм», подавление национальных форм «быстрой еды» — арабского кус-кус, турецких симита, бюрека и данюра (так же как в других странах — английской жареной картошки с рыбой, итальянской пиццы, японских суши, французского «багета», немецкого бутерброда, русских блинов и пр.). Большинство этих блюд также «глобализировались», однако атакует только «Макдональдс». В чем причина? Одни испытывают ярость от того, что мир заполнила едва ли не худшая из всех кухонь. Другие критикуют «экспансионизм» ресторанов «Макдональдс», их стремление вытеснить конкурентов. Возможно, «Макдональдс» бессознательно отвергается и как упрощенная форма рациональности с такими принципами, как эффективность,

предсказуемость, калькулируемость и технический контроль [Ritzer 1996]. Эти принципы, казалось бы, гарантируют стандартность, чистоту, удобства и служат оправданием распространения сети ресторанов по всему миру. Они могут применяться в образовании (МагУниверситеты), в отношениях между людьми. Замечательный пример — фильм «Секс в большом городе», где женщины постоянно обсуждают «потребительскую корзину» — мужчин — с точки зрения эффективности, предсказуемости, калькулируемости их достоинств и поведения, а также контроля за качеством, при том что сами женщины не желают оказаться в подобной корзине для «потребления» мужчинами (это ли не отчетливое торжество феминизма по правилам двойного стандарта?). Традиционные культуры типа исламской слишком серьезны, чтобы воспринимать эту «макдональдизацию» с юмором. Поэтому часто воспринимают ее с ненавистью.

Исламский мир в целом настроен против глобализации на западных основаниях. По мнению Э. Геллнера [Gellner 1997], именно ислам способен стать глобальной политической системой, предложить альтернативный вариант глобализации. События в Боснии, Алжире, новые трудности, с которыми сталкиваются Турция и Малайзия, свидетельствуют о неустойчивости модернизационных достижений в исламских странах.

Глобальный характер ислама обусловлен несколькими факторами. Во-первых, это религия повседневной жизни, предлагающая не столько мировоззрение, сколько правила поведения на каждый день любому мусульманину, в любой стране. Во-вторых, как отмечал Геллнер [Gellner 1997], сущность ислама — восстановление общинной (деревенской) идентичности в противоположность персональной или национальной идентичности. Национально-государственная принадлежность для мусульманина менее значима, чем его принадлежность к умме. Вестфальская система национальных государств укоренилась в исламском мире, но не стала доминирующей. «Наиболее фундаменталистские движения на Ближнем Востоке рассматривают государства как искусственное разделение уммы колониальной эпохой» [Karabell 1989: 285].

Ослабление Вестфальской системы в условиях глобализации легитимировало наднациональные общности, и умма стала одним из таких объединений. Ислам выступает за глобальную деревню в прямом смысле и не воспринимает метафор о том, что глобализация делает и Нью-Йорк, и Москву частью глобальной деревни. Нелишне напомнить, что Россия имеет в составе своего населения 8% мусульман. Некогда прочные традиции совместной жизни православных христиан и мусульман в нашей стране постепенно ослабевают, поскольку, по мнению ряда специалистов [Умнов 1988: 6], в предреволюционный период традиции межэтнического единства поддерживались общинными структурами, а в советский — идеей «переплавки» в советскую нацию. Сегодня существуют две альтернативы распаду России: архаизация, «одеревенщивание» страны, укрепляющие исламско-православный союз, и модернизация, ставящая перед обществом новые совместные цели, поворачивающая не только русское, славянское, христианское, но и исламское население в сторону Запада. Весь мир при такой глобализации становится «третьим миром».

В настоящее время на место мировой системы социализма, по мнению И. Валлерстайна, могут быть поставлены конфуцианство и ислам (кстати, в этой связи стоит обратить внимание на концепт исламско-конфуцианского блока С. Хантингтона). Если включить в число субъектов трансформации страны Юго-

Восточной Азии, процессы в которых не являются модернизационными в чистом виде, а также Индию, то в целом вырисовывается *сценарий незападной (азиатской) глобализации*. Его суть — построение консюмеризированной мировой деревни, иными словами, возобладание предмодернизационного деревенского стиля жизни над западным стилем или стилем других форм современности при исключении всякой демократии, кроме общинной, и, разумеется, игнорировании каких-либо прав человека. Если Россия будет загнана в угол, то при описанных условиях она может принять в этом процессе активное участие.

Процессу азиатизации мира несомненно будет соответствовать внутренняя азиатизация Америки и Запада в целом, своего рода реколонизация (за отсутствием лучшего термина обозначим так стремление людей из прежних колоний в бывшие метрополии или просто более развитые страны по экономическим, политическим, культурным, а в массе своей — по консюмеристским мотивам). Падение рождаемости и пополнение населения за счет мигрантов увеличивают присутствие этнических представителей Азии на Западе [Уткин 2003а: 52–69]. Но дело не только в миграции, но и в том, что доминирование политики групповых репрезентаций, в отличие от прежних либеральных подходов, ориентированных на индивида, уже сейчас творит в Америке новые общины, коммуны и деревни. Поэтому даже уход в изоляцию не мог бы уменьшить латиноамериканизацию США, их азиатизацию. Те же перспективы и у большинства стран Европы, население которых стремительно сокращается, и у России с ее огромной демографической убылью.

Глобализация, увековечивающая неравенство, создает возможности для сохранения мира на условиях статус-кво, которые удовлетворяют Запад, но не исламский мир. Россия также недовольна глобализацией, в которой она не находит себе места, но заинтересована в поддержании статус-кво: нам есть что терять, например, Сибирь и Дальний Восток с их убывающим населением, относительную стабильность, надежду на улучшение жизни.

Представляет ли ислам угрозу миру? На этот вопрос почти единодушно дается отрицательный ответ. Но относительно того, является ли такой угрозой исламский фундаментализм, точки зрения расходятся. Одни исследователи отвечают «нет», доказывая, что угрозу представляют экстремизм и насилие как таковые, а не исламский фундаментализм, который сам по себе не отрицает необходимости взаимодействия с другими странами и с представителями которого Запад может найти общий язык [Karabell 2000: 276–280]. Другие ученые говорят «да», видя в конфликте исламской идеологии и западных ценностей большую угрозу, чем в прежнем противостоянии коммунистической идеологии и западной системы. Речь идет, прежде всего, о недостижимости политики сдерживания исламского фундаментализма, успешно применявшейся в отношении СССР, который все-таки создавал цену полномасштабного столкновения [Pipes 2000: 281–291]. На это можно возразить, что пока фундаменталистские коммунистические идеи были сильны в обществе, «светское» отношение к ценности земной жизни, удерживавшее СССР, по мнению вышеупомянутых теоретиков, от неадекватных действий, являлось скорее редкостью.

Третья точка зрения, разделяемая автором этих строк, состоит в том, что любой *фундаментализм* — исламский, коммунистический, западный (радикальный модернизм) — является *предпосылкой противостояния и в ряде случаев*

становится угрозой миру [Crook 1991]. Дело в том, что накапливаемое недовольство способствует возникновению экстремистской среды, которая в свою очередь порождает терроризм как разновидность партизанского сопротивления в условиях отсутствия иных форм представительства на политическом уровне и невозможности революционного сопротивления из-за деформации классов, люмпенизации масс и неравенства сил.

Удивительно, что среди исламских экстремистов и террористов много людей, получивших образование на Западе и имеющих возможность там жить. Подвергались ли они унижению и дискриминации, встречали ли грубость, насмешливые или презрительные взгляды? Думаю, что нет. Скорее, они наталкивались на безразличие или нейтральное, чисто формальное отношение, которое так задевает выходцев из традиционного общества. Даже выбрав западный консюмеризм, исламский мир не принял его социальных и культурных оснований [Уткин 2003b: 340]. Для понимания настроений мусульман показательна первая попытка взорвать Международный торговый центр, которая «была инспирирована в 1993 г. шейхом Омаром Абделем Рахманом». «Именно проамериканизм официального Египта позволил египетскому подданному Рахману переехать в Нью-Йорк. Пример аятоллы Хомейни, вернувшегося с Запада, чтобы завоевать Иран, вдохновлял этого египтянина, создавшего в «западном Вавилоне» мечеть. Исполнитель того террористического акта был тишайшим инженером-химиком, обустроившимся в Америке, чьи дети учились в хороших американских школах» [Уткин 2003b: 347]. Набив пикап динамитом, этот человек поставил его в паркинге МТЦ, где и произошел взрыв. И среди летчиков-террористов, атаковавших Международный торговый центр спустя восемь лет, были люди, получившие образование в США.

Г. Видал приводит слова советника Г. Насера М. Хейкала: «Мы обнаружили кое-что очень странное: молодые деревенские парни — те, у которых голова работает и которых мы учили на инженеров, химиков и так далее, — выступают против нас с религиозных позиций» [Видал 2003: 12]. (Заметим, что Насер, подобно Ататюрку, хотел осовременить Египет, освободив государство от влияния ислама.)

На наш взгляд, феномен арабо-мусульманских террористов, обретших кров и комфортную жизнь в Америке, обусловлен сознанием исторической обреченности их народа и цивилизации. Эта мысль в сочетании с сильной верой рождает «true believe» — истинноверующего (именно так назвал свою книгу о психологии террористов Э. Хоффер [Hoffer 1969]).

Конфликт цивилизаций как вероятная причина терроризма

Автор концепции «столкновения цивилизаций» С. Хантингтон считает, что события 11 сентября и американский ответ на них «проходили строго вдоль цивилизационных линий» [Huntington 2001–2002: 13]. Это заявление было встречено преимущественно негативно. Подобная реакция — закономерное продолжение спора между Хантингтоном и глобалистами, начавшегося в 1994 г. В определенной мере этот спор мнимый, продиктованный (со стороны глобалистов) в основном политической корректностью и опасением «самооправдывающегося предсказания» (self fulfilling prophecy). Ведь Хантингтон [Huntington 1996] и описывает тот глобальный мир, каким он, к его и нашему сожалению, может стать, если ценность материального блага возвысится над ценностью свободы, а Запад

станет восприниматься исключительно как средоточие комфорта и неограниченного потребления.

От внимания критиков ускользает то, что Хантингтон использует название статьи Тойнби «Столкновение цивилизаций», которое, в отличие от хантингтоновского заголовка, не заканчивается знаком вопроса. Согласно Тойнби, цивилизации всегда находятся в конфликте. По мнению Хантингтона, подобный конфликт может стать определяющим фактором в международных отношениях после окончания «холодной войны». Ученый выделяет в международных отношениях некий центральный конфликт, неодинаковый для различных этапов истории. В феодальную эпоху таковым был конфликт между феодальными родами и дворами, после Великой Французской революции — борьба между государствами, после Великой Октябрьской революции — соперничество социальных систем.

Поскольку трансформации конца XX — начала XXI вв. серьезны и неожиданны во многих отношениях, и их направленность не вполне ясна, людям ничего не остается, как обратиться к своим истокам, к первичному пониманию жизни, смерти, ценностей, религии, семьи, общим для группы родственных народов, которые Хантингтон и называет цивилизацией. Локальное в концепции Хантингтона является доминирующим, но вместе с тем интересным лишь тем, что оно способно оказать воздействие на глобальные трансформации.

Негативная реакция на концепцию Хантингтона связана с тем, что его сценарии можно воспринимать как проект будущего, а не только как его объективный прогноз. Однако нельзя не заметить, что ученый предостерегает от этого будущего и пытается побудить Запад сблизиться с ортодоксально-христианской цивилизацией перед лицом исламско-конфуцианского блока. При этом роль России представляется ему очень важной, и в своем сценарии третьей мировой войны Хантингтон показывает, что победителем выйдет тот, кто успешно разыграет российскую карту.

И все-таки большинство экспертов не согласны с Хантингтоном в том, что террористическая атака на МТЦ есть симптом «столкновения цивилизаций» [Worlds in Collision 2002: 28, 164, 194–195]. В опровержение этого тезиса оппонентами ученого приводятся три аргумента: среди жертв террористов есть мусульмане; ряд исламских стран были участниками антитеррористической коалиции; террористические атаки исламских экстремистов преследуют политические, а не религиозные цели.

Начнем с того, что согласимся с последним утверждением о политической сущности терроризма [см.: Федотова 2002: 196–211; Федотова 2003: 5–26]. Бедность целых регионов и неравномерность глобализации, слабость общецивилизационного, общечеловеческого начала и общий фанатизм не могут быть сброшены со счета при объяснении терроризма. Но почему протестной реакцией на все эти явления стал терроризм? Почему именно он, как утверждается в многочисленных работах, маркирует XXI век, хотя это явление имело место и в XIX, и в XX столетиях? *Терроризм похож на социально-протестное или революционное движение, осуществляемое в условиях смерти класса и деполитизации. Одновременно терроризм похож на новый тип войны, который не всегда продолжает политику государства. Кроме того, терроризм поддерживает международный криминал.* Его преобладающий источник — ненависть, зависть, жадность, желание наживы. Эксперты, определяющие

терроризм как реванш и последний бой традиционализма, считают, что терроризм не является политическим действием, поскольку вся жизнь традиционных обществ не знает политики в современном смысле слова.

Однако, на наш взгляд, интегральная характеристика терроризма является именно политической. Немецкий мыслитель К. Шмитт полагал, что специфика политического может быть определена путем обозначения той главной проблемы, которую решает политика. Эстетическое решает вопрос о соотношении прекрасного и безобразного, этическое — добра и зла, экономическое — рентабельного и нерентабельного. «Специфически политическое различие, к которому можно свести политические действия и мотивы — это различие *друга* и *врага*» [Шмитт 1992: 40]. Несмотря на то, что работа Шмитта была написана в 1927 г., он, как никто другой, сумел не только сформулировать сущность политического, но и высказаться о событиях, которые происходят сегодня: «Реальное разделение на группы друзей и врагов бытийственно столь сильно и имеет столь определяющее значение, что неполитическая противоположность в тот самый момент, когда она вызывает такое группирование, отставляет на задний план свои предшествующие критерии и мотивы: «чисто» религиозные, «чисто» хозяйственные, «чисто» культурные и оказывается в подчинении у совершенно новых... условий и выводов отныне уже политической ситуации» [Шмитт 1992: 46]. Шмитт не отрицал значение государства как основного агента политики. Он просто полагал, что не политическое вытекает из отношения к государству, а, напротив, государство обретает вес и главенство из-за своей политической природы — способности поддерживать единство среди друзей, в том числе и, прежде всего, внутреннее единство и противостояние врагам. Государство — главный политический деятель, но приведенное выше понимание политического предполагает возможность и других акторов.

Попробуем объяснить, почему факторы, ранее генерировавшие революции, войны, массовые выступления, сегодня ведут к терроризму. Фактически терроризм — это насилие группы людей по отношению к государству как политическому субъекту, но осуществляемое чаще всего не напрямую, а посредством насилия или угрозы насилия в отношении мирных граждан. Это — форма политического послания, ультиматум.

Кому же направлен этот ультиматум? Своим определением сущности политического Шмитт позволил нам продвинуться в понимании того, что такое «деполитизация»: «Если пропадает это различие (между другом и врагом. — *Авт.*), то пропадает и политическая жизнь вообще» [Шмитт 1992: 53]. В конце прошлого столетия возникло ощущение торжества подобной «деполитизации». После XX века с его бесконечными революциями и войнами — несомненным следствием господства политики, бесконечной поляризации как международной системы, так и внутренней жизни государств на «врагов» и «друзей», — перспективы лучшего будущего связывались с отказом от «политического», со снижением конфронтационности, а, следовательно, с открытостью, диалогом, демократизацией. Деполитизация в условиях глобализации оказалась также связанной с объективным ослаблением Вестфальской системы национальных государств, с появлением негосударственных политических агентов (неправительственных и гуманитарных организаций), расширением полномочий гражданского общества, исчезновением или фрагментацией идеологий, более разнородным структурированием общества и т.д.

Опыт превращения «окончательной победы» в поражение хорошо известен. В СССР, например, отсутствие политической оппозиции на определенном этапе привело общество к тотальному отрицанию прошлого, к политизации «снизу», позволившей Б. Ельцину придти к власти, и к распаду страны. Атака на Международный торговый центр показала, что существуют религиозные группы, готовые *объявить ответственных за глобализацию своими «врагами»*. Эти группы немедленно выделились из пестрой толпы антиглобалистов, борющихся против явления, а не против тех, на кого бы они могли возложить вину за него. *Деполитизация «сверху» обернулась политизацией «снизу»*. Перед умственным взором «деполитизированных» политиков, надеявшихся на роль глобализации в преодолении различных типов конфронтаций, встали прежние конфликты XX века, подобно тому как перед военными стратегами всегда витают образы прежних войн. Ослабление государственной международной системы как главного и легитимного агента международных отношений, слабость глобальных политических структур, а значит, отсутствие путей политического решения имеющихся конфликтов ведет к нелегитимным политическим действиям.

Терроризм является формой архаической политизации, при которой предельно упрощенная система координат «друг — враг», будучи лишена всяких государственных и дипломатических оснований, взывает к древнему инстинкту мести (отчасти родовой мести), что и приводит к атакам против населения ради воздействия на правительства атакуемых стран для достижения политических целей. Мотив мести и самоутверждения, готовность пожертвовать жизнью — эти образы архаичной политики извлечены из глубинных пластов культуры разрушаемых материальными и технологическими соблазнами традиционных обществ. Однако, несмотря на эту архаическую подкладку и метафизические цели радикального ислама, к которым следует отнести также создание исламского халифата, у террористов 11 сентября были рациональные цели — спровоцировать такое негодование уммы, которое привело бы к падению прозападных режимов в Пакистане, Саудовской Аравии и Египте. Ответная риторика Дж. Буша адекватна представлениям террористов, но она также взывает к архаическим началам американского политического сознания. Практические цели Буша состояли в том, чтобы упредить попытки свержения этих режимов, уничтожив лагерь подготовки антиамерикански настроенных террористов в Афганистане, и взять под контроль нефтяные запасы Персидского залива.

Итак, «деполитизация» глобального мира и уменьшение роли государства как главного политического агента вызвали к жизни нового специфического и нелегитимного в существующей международной системе политического игрока. Можно любить или не любить Шмитта, но нельзя не удивиться точности его предсказания: «...мир не деполитизируется и не переводится в состояние чистой моральности, чистого права... или чистой хозяйственности. Если некий народ страшится трудов и опасностей политической экзистенции, то найдет именно некий иной народ, который примет на себя эти труды, взяв на себя его «защиту против внешних врагов» и тем самым — политическое господство... Лишь нетвердо держась на ногах, можно верить, что безоружный народ имеет только друзей, и лишь спяну можно рассчитывать, будто врага тронет отсутствие сопротивления». Таким образом, вера Запада в свое могущество и вытекающее из него отсутствие «внешних угроз», равно как и вера России в то, что политику можно заменить моралью, немедленно отозвалась появлением сил, которые стали считать эти цивилизации своими врагами. Причем, будучи, как правило, представителями традиционных обществ, где политика не приняла

парламентских, демократических и юридических форм, эти силы актуализировали архаический вариант политики, вариант мести.

Но вернемся к Хантингтону. Другие аргументы его критиков не представляются убедительными. Гибель мусульман в террористических атаках связана с тем, что они живут в США и других странах, а террористы нападают на население, не задумываясь о случайных жертвах. Сотрудничество ряда исламских стран в антитеррористической коалиции осуществлялось вопреки мнению исламских фундаменталистов в этих странах. В этом пункте оппоненты Хантингтона забывают свой любимый аргумент о необходимости разделять народы и правительства. Хантингтон прав в том отношении, что *глобализация натолкнулась на цивилизационную специфику исламского мира и не справилась с ней*.

Движение антиглобалистов — наиболее легитимный оппонент глобализации — вовсе не является монолитным. Оно включает в себя силы, имеющие разные цели и задачи: профсоюзы западных стран, защищающие трудовые места в связи с перемещением производств в страны с дешевой рабочей силой, националистов, оберегающих свою промышленность и систему распределения, зеленых, жителей тех стран, которым глобализация не приносит успеха, анархистов, хулиганов, тех, кто видит в глобализации американизацию и пр. На глобальном уровне антиглобалистов даже некому услышать. Форумы глобалистской «семерки» и «восьмерки» просто не способны ответить на призывы столь разномастной оппозиции.

В отличие от антиглобалистов, атаковавшие Международный торговый центр террористы ставили перед собой цели не только абстрактные — поднять знамя Саладина против западной цивилизации, но и конкретные — свергнуть проамериканские режимы в исламском мире. Разумеется, эти цели не были достигнуты. Но 11 сентября можно датировать приостановку второй глобализации, о чем свидетельствуют новое разделение мира на «своих» и «чужих», ослабление либерализма в цитадели Запада — США, увеличение и усиление таможенных и иммиграционных барьеров и пр. Курино-стальная «война» между США и Россией привела к сокращению поставок американских куриных окорочков в нашу страну и российской стали в США. В условиях глобализации такого рода решения — не дело правительств, а выбор свободной торговли. Сегодня правительства вмешиваются в экономику, более того, государства вновь определяют экономическое развитие, а это значит, что глобализация потерпела поражение после временной «окончательной победы».

Что делать?

Глобализация приостановилась, но ее негативные плоды — продолжающиеся действия нелегитимных политических акторов в условиях ослабления национальных государств — не исчезли сами собой. В этой ситуации мир оказался вынужден отвечать на традиционный русский вопрос: «Что делать?»

Одним из наиболее репрезентативных вариантов ответа на этот вопрос явилась политика нынешнего правительства США и его идеологов: П. Вулфовица, Дж. Муравчика, Р. Кагана и др. Силы, оказавшиеся неспособными воспользоваться глобализацией в своих интересах, были выделены в «ось зла», на некоторые части которой обрушилась вся мощь Америки и ее союзников. *США стали*

единственной сверхдержавой [Уткин 2003а], а, по мнению многих американских исследователей [см.: Vasevich 2002], империей в положительном толковании этого слова. Идея перфекционизма, улучшения мира, впрочем, сразу же продемонстрировала свой утопизм. Победа в Ираке открыла ящик Пандоры. Уход со сцены светского, хотя и диктаторского режима, повлек за собой взрыв энергии радикализованной шиитской массы, составляющей 60% населения. Требования курдских сепаратистов продолжают ссорить Америку с давним и важным союзником — Турцией. При этом американских солдат убивают в мелких стычках, в Ираке продолжается криминальный террор, с которым не справляются американские войска (как не вспомнить слова Наполеона: со штыками можно делать все что угодно, но на них нельзя сидеть). Заговорили, наконец, о миссии ООН, но еще не стерлось из памяти то обстоятельство, что накануне войны в Ираке эта организация была объявлена американцами недееспособной.

Противоположный путь предлагается гуманитарными организациями, коммуникативной этикой: диалог, мирное обсуждение больших проблем, поиск компромисса. Все это несколько наивно. Невозможно убедить вступить в диалог людей, которые готовы умереть. Оппоненты потенциальных террористов умирать не готовы, а, следовательно, диалог не может не зайти в тупик. Уступки террористам вызовут эскалацию выдвигаемых ими требований, которые зачастую не имеют рационального выражения. «Другой» не всегда дает основания для диалога. Ж.-П. Сартр говорил, что «ад — это другие».

Согласно Ю. Хабермасу, теоретику коммуникативной этики, нравственное поведение требует не только чувства симпатии или доверия, но также «искусственных» добродетелей, прежде всего, настроенности на справедливость. Наиболее приемлемой является предложенная Роулзом концепция справедливости как честности. Ее суть состоит в утверждении, что любой человек в обществе подвержен риску — болезни, потери работы, несчастья, аварии и пр. Представляя себя в этой тяжелой ситуации, он приобщается к положению тех, кто уже в ней находится. Честный человек должен признать, что, будь он сам в таком положении, он хотел бы максимизировать получаемые блага. По мнению некоторых критиков Роулза, своей концепцией американский философ *призвал каждого хотя бы мысленно разделить судьбу другого*. А в приложении к нашей теме это значит, что мы должны реально реагировать на проблемы, заставляющие ислам встать в оппозицию глобализации, и на причины терроризма. Это уже более сложная, чем диалог, система взаимодействия, требующая институционализации.

Хотя диалог сам по себе — не панацея, без него невозможны другие пути. Диалог — неотъемлемая составная часть иных подходов.

Серьезные теоретические возможности открывает *метод «социального конструирования реальности»*, разработанный феноменологами А. Шюцем, П. Бергером, Н. Лукманом и развитый политологом А. Вендтом и другими исследователями. По определению Бергера и Лукмана, это — *процессы, «с помощью которых любая система «знания» (имеется в виду как повседневного, так и специализированного знания. — Авт.) становится социально признанной в качестве «реальности» (курсив наш. — Авт.)»* [Бергер, Лукман 1995: 112]. Бергер и Лукман говорят о сознании, которое в рамках социологии знания воспринимается как знание. Речь идет о том, что социальная реальность сложным образом конструируется через систему коллективных представлений.

Механизм социального конструирования реальности состоит в соблюдении следующих четырех процедур.

1. *Хабитуализация*, то есть опривычивание (от англ. *habitual* — *привычный*), превращение в повседневность. Речь идет о том, чтобы через СМИ и другими способами сделать привычными некоторые взгляды на преимущества мирной жизни. Например, А. Шюц использовал систему радиовещания для того, чтобы возвращающиеся после Первой мировой войны солдаты и их родственники могли, при огромной разнице их опыта, понимать друг друга.
2. *Типизация*, разделяющая объекты на классы (мужчина, покупатель, европеец и пр.). Социальная реальность повседневности дана совокупностью типизаций, которые в своей сумме создают *повторяющиеся образцы взаимодействия и составляют социальную структуру*. Разрушение повседневной жизни в результате резких трансформаций разрушает типизацию, образцы взаимодействия и, соответственно, социальную структуру. Нарушения типизаций, «типичные» для нашего общества, губят привычный нам мир, стирают грани между прежде самоочевидными противоположностями, между добром и злом, хорошим и плохим. *Социальное конструирование реальности предполагает восстановление самой процедуры типизации путем обсуждения ряда проблематизируемых типов, к которым мы относим и такие, как «хорошее общество» и «хороший человек», «хорошее» и «плохое», «добро» и «зло», «друг» и «враг».*
3. *Институционализация*. Помимо типизированных коллективных представлений институты включают в себя роли и статусы, систему санкций и социального контроля для поддержания норм, порядок, общие цели, установки и образцы поведения (нормы), учреждения, кодексы, законы и пр., осуществляющие деятельность по удовлетворению различных потребностей. Но без коллективных представлений, полученных в результате типизации, и усилий, направленных в радикально меняющемся обществе на достижение типизации и формирование коллективных представлений (через деятельность ученых, СМИ, общественных организаций, литературу, искусство, образование, деятельность выдающихся людей), социальная структура в целом и функционирование других институтов не могут быть обеспечены. «Хотя однажды установленные, рутинные действия имеют тенденцию упорно сохраняться, возможность их изменения и даже аннулирования остается в сознании. Только А и В (действующие индивиды. — *Авт.*) ответственны за конструирование этого мира. А и В в состоянии изменить или аннулировать его... Объективность институционального мира «увеличивается» и «укрепляется» не только для детей (путем передачи представлений родителей — *Авт.*), но и (благодаря зеркальному эффекту) для родителей тоже. Формула «Мы делаем это снова» теперь заменяется формулой «Так это делается». Рассматриваемый таким образом мир приобретает устойчивость в сознании, он становится гораздо более реальным и не может быть легко изменен» [Бергер, Лукман 1995: 99]. Бергер и Лукман отвергают квазиприродность социальной реальности, показывая, что даже ее объективные свойства — это продукты деятельности А и В и других индивидов.
4. *Легитимация*. Благодаря этому процессу обеспечивается передача только что сложившихся институтов новым поколениям и их принятие теми, кто не

устанавливал эти институты и способен соблазниться различными вариантами переделки общества или даже радикальным отвержением прежней традиции.

Полный цикл социального конструирования реальности включает все перечисленные способы в качестве отдельных ступеней.

Конструируется ли социальная реальность в глобальном масштабе сегодня? Несомненно. Дело начато отрицанием старой повседневности и идеологии во имя будущего. Однако надлежащее конструирование реальности — это методологическая процедура, требующая более конкретных приложений и в этом смысле рассчитанная на годы.

В докладе профессора И. Янг из Университета Чикаго на Всемирном философском конгрессе в Стамбуле (август 1993 г.) содержатся, на наш взгляд, серьезные предложения институционального характера, использующие методы диалога и социального конструирования реальности. Автор доклада предлагает не стремиться к распаду Вестфальской системы национальных государств, а использовать государство как посредника между локальным и глобальным сообществами. В докладе предлагаются такие меры, как прощение долговых обязательств менее развитых стран более развитым, введение так называемого налога Тобина на глобальные финансовые операции, учреждение других глобальных налогов и пр. Но готов ли западный мир, и особенно США, ощутив новые угрозы, прибегнуть к таким мерам? Очевидно, пока нет. Тем не менее рекомендуемые социальные инновации могут пригодиться, если ситуация на мировой политической сцене обострится.

Эти и многие другие варианты преодоления конфликта и разрешения кризиса в исламском мире требуют политической воли Запада. Отмена долгов, предоставление места для экспортируемых товаров на внутреннем рынке, открытие новых предприятий для борьбы с безработицей могли бы существенно изменить ситуацию. Если бы американцы построили в Ираке или Чечне сборочные заводы и заводы по производству «пепси-колы», если бы они предоставили людям работу, приличную заработанную плату, настроение тех, кто сегодня чувствует себя готовым прибегнуть к террору, могло бы измениться.

Статья написана в рамках гранта РГНФ No 03-03-000580 «Анализ рисков развивающейся России».

Примечания

- Алексеева Т. 2003. «Реванш кочевников», или ценностное осмысление глобализации // «Космополис», No 2(4).
- Бек У. 2003. Космополитическое общество и его враги // «Журнал социологии и социальной антропологии», т. VI, No 1(21).
- Бергер П., Лукман Н. 1995. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Философский фонд.
- Видал Г. 2003. Почему нас ненавидят? Вечная война ради вечного мира. М.: АСТ.

- Интервью с профессором Ульрихом Бекон. 2003 // «Журнал социологии и социальной антропологии», т. VI, No 1(21).
- Практика глобализации: игры и правила новой эпохи. 2000. Под. ред. М.Г. Делягина. М.: Инфра-М.
- Сардар З., Дэвис М. 2003. Почему люди ненавидят Америку? М.: Проспект.
- Умнов А. 1988. Россия и мир ислама // «НГ-сценарии», No 1.
- Уткин А.И. 2001. Глобализация: процесс и осмысление. М.: Логос.
- Уткин А.И. 2003а. Будущее Запада // «Свободная мысль–XXI», No 2.
- Уткин А.И. 2003b. Единственная сверхдержава. М.: Алгоритм.
- Федотова В.Г. 2000. Россия в глобальном и внутреннем мире // «Мир России», т. IX, No 4.
- Федотова В. 2002. Терроризм: попытка концептуализации // «Pro et Contra», т. 7, No 4.
- Федотова В.Г. 2003. Терроризм: от старого к новому // «Философские науки», No 2.
- Шмитт К. 1992. Понятие политического // «Вопросы социологии», т. 1, No 1.
- Vacevich A. 2002. American Empire. The Realities and Consequences of U.S. Diplomacy. Cambridge, Massachusetts, L., England: Harvard University Press.
- Crook S. 1991. Modernist Radicalism and its Aftermath. Foundationalism and Anti-Foundationalism in Radical Social Theory. L.; N.Y.: Routledge.
- Gellner E. 1997. Religion and the Profane // «News Letter». July-October.
- Hoffer E. The True Believer. Thoughts on the Nature of Mass Movement. N.Y.: Harper Perennial.
- Huntington S. 1996. The Clash of Civilizations and the Remaking of the World Order. N.Y.: Simon and Schuster.
- Huntington S. 2001–2002. The Age of Muslim War // «Newsweek», Special Davos Edition.
- Karabell Z. 2000. Is Islamic Fundamentalism a Threat to Political Stability? No. Fundamental Misconceptions: Islamic Foreign Policy // Taking Sides. Clashing Views on Controversial issues in World Politics. Ed. by J. Rourke. McGraw-Hill: A Division of the McGraw-Hill Companies.
- Pipes D. 2000. Is Islamic Fundamentalism a Threat to Political Stability? Yes. Same Difference // Taking Sides. Clashing Views on Controversial issues in World Politics. Ed. by J. Rourke. McGraw-Hill: A Division of the McGraw-Hill Companies.
- Ritzer G. 1996. The Macdonaldization of Society. An Investigation into the Changing Character of Contemporary Social Life. Thousand Oaks, California, L., New Delhi.
- Worlds in Collision. 2002. Terror and the Future of Global Order. Ed. by R. Booth and T. Dunne. N.Y.: Palgrave.